

Уголовно-правовая норма о легализации имущества, приобретенного лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ): инструмент борьбы с преступностью или «дубина» в руках правоприменителя?

Аннотация. Анализируются судебно-следственная практика применения ст. 174.1, которая в первоначальной редакции УК РФ отсутствовала, а также ее перспективы. К обстоятельствам, делающим сомнительной такую перспективу, автор относит саму процедуру введения ст. 174.1 в УК РФ, в которой не нашлось места для обоснования ее необходимости, в дополнение к ст. 174 УК РФ, предусматривающей ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем. Мотивы авторов федерального закона, дополнившего в 2001 г. УК РФ анализируемой статьей, оказались неясны, как, собственно, и цели дополнения.

К вышеуказанным обстоятельствам следует отнести необъяснимое удаление из первой редакции диспозиции ч. 1 ст. 174.1 УК РФ (после 12 лет ее практического применения) исчерпывающего перечня преступлений, совершение которых не рассматривалось как предикатное преступление. Итогом экспериментов с введением и затем неоднократным редактированием ст. 174.1 УК РФ стали случаи спорного или безосновательного ее применения.

Несмотря на неоднократные решения вышестоящих судов, отменявших незаконные приговоры нижестоящих судов, статья 174.1 УК РФ остается своеобразной «дубиной» в руках следственных органов и прокуратуры, от использования которой не застраховано ни одно лицо, совершившее корыстное или имущественное преступление. Иллюстрацией данного вывода является анализ материалов двух уголовных дел, по которым автор давал научно-консультационные заключения в качестве специалиста.

В статье резюмируется, что для обеспечения верховенства закона, исключения необоснованного уголовного преследования, в том числе предпринимателей, принятия спорных процессуальных решений правоохранительными и судебными органами необходимо признать ст. 174.1 УК РФ утратившей силу. Альтернативой такому решению может быть восстановление редакции данной статьи, действовавшей до 2013 г.

Ключевые слова: легализация (отмывание) имущества, приобретенного в результате совершения преступления; статья 174.1 УК РФ; статья 174 УК РФ; уклонение от уплаты налогов; мошенничество; предикатное преступление; принцип справедливости; хищение имущества; обвинительное заключение.

© Кочои С. М., 2025

* Кочои Самвел Мамадович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
sam.kochoi@bk.ru

Для цитирования: Кочои С. М. Уголовно-правовая норма о легализации имущества, приобретенного лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ): инструмент борьбы с преступностью или «дубина» в руках правоприменителя? // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 6. — С. 119–129. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.119-129.

**Criminal Law Norm on the Legalization of Property Acquired by a Person
as a Result of Committing a Crime (Article 174.1 of the Russian Criminal Code):
A Tool in the Fight Against Crime or a «Club» in the Hands of Law Enforcement?**

Samvel M. Kochoi, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
sam.kochoi@bk.ru

Abstract. The paper analyzes the judicial and investigative practice of applying Article 174.1, which was absent from the original version of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as its prospects. Among the circumstances casting doubt on such prospects, the author highlights the very procedure of introducing Article 174.1 into the Criminal Code, which lacked any justification for its necessity in addition to Article 174, which establishes liability for the legalization (laundering) of funds or other property acquired by other persons through criminal means. The motives of the federal law drafters that supplemented the Criminal Code in 2001 with the analyzed article remain unclear, as do the goals of this addition.

The above-mentioned circumstances should include the inexplicable removal, after 12 years of practical application, of the exhaustive list of crimes from the original wording of Part 1 of Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which were not considered predicate offenses. The result of these experiments — first introducing and then repeatedly amending Article 174.1 — has been its controversial or unjustified application.

Despite multiple rulings by higher courts overturning unlawful verdicts of lower courts, Article 174.1 of the Criminal Code remains a kind of «club» in the hands of investigative bodies and prosecutors, and no individual who has committed a profit-driven or property-related crime is immune from its use. This conclusion is illustrated by an analysis of materials from two criminal cases for which the author provided expert opinions as a specialist.

The author concludes that to ensure the rule of law, to prevent unjustified criminal prosecution, including of entrepreneurs, and to eliminate controversial procedural decisions by law enforcement and judicial bodies, Article 174.1 of the Criminal Code should be repealed. An alternative solution could be restoring the version of the article that was in force before 2013.

Keywords: legalization (laundering) of property; property acquired as a result of committing a crime; Article 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation; Article 174 of the Criminal Code of the Russian Federation; tax evasion; fraud; predicate crime; principle of justice; theft of property; indictment.

Cite as: Kochoi SM. Criminal Law Norm on the Legalization of Property Acquired by a Person as a Result of Committing a Crime (Article 174.1 of the Russian Criminal Code): A Tool in the Fight Against Crime or a «Club» in the Hands of Law Enforcement? *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(6):119-129. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.119-129.

Введение

На момент вступления в силу 1 января 1997 г. Уголовный кодекс РФ не содержал ответственности за легализацию имущества, приобретенного лицом в результате совершения

им преступления. В принципе, такое положение соответствует международно-правовым документам о противодействии легализации имущества, из которых прямо не следует, что ее субъектом может быть, кроме лица, совершившего сделки с имуществом, приобре-

тенным преступным путем *другими лицами*, также лицо, *само* совершившее преступление, в результате которого данное имущество приобретено. Так, например, согласно Конвенции Совета Европы об отмыывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (2005), национальный законодатель сам решает, относить то или иное деяние с имуществом, приобретенным в результате совершения преступления, к «преступлениям, связанным с отмыыванием», или нет. Главное, чтобы, совершая такое деяние, «преступник: а) подозревал, что имущество является доходом; б) должен был предполагать, что имущество является доходом» (п. 3 ст. 9)¹.

Поэтому через четыре года после принятия УК РФ появление в нем ст. 174.1 было столь же неожиданным, сколь и нелогичным². 21 апреля 2001 г. Правительство РФ приняло распоряжение № 567-р, которым внесло в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проекты федеральных законов «О противодействии легализации (отмыыванию) доходов, полученных преступным путем» и «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О противодействии легализации (отмыыванию) доходов, полученных преступным путем”». Через два дня в ГД РФ вместе с указанными законопроектами была отправлена Пояснительная записка Правительства РФ, где не было ни одного слова о дополнении УК РФ

новыми нормами. 24 мая 2001 г. законопроект в таком виде был принят в первом чтении.

13 июля 2001 г. Государственная Дума РФ приняла этот законопроект во втором чтении, а 14 июля — в окончательной редакции, но уже включавшей ст. 174.1. Законом данный документ стал 8 августа 2001 г., когда был подписан Президентом РФ³.

Таким образом, мотив законодателя (не автора законопроекта, потому что на момент его внесения, подчеркнем еще раз, тот не предлагал ни изменений, ни дополнений УК РФ), установившего ответственность лица за легализацию имущества, полученного в результате совершения преступления им самим, остался непонятным.

Основное исследование

Первый же вопрос, который возник в связи с принятием данного Закона, заключался в том, что следует понимать под словами «в результате совершения им преступления». Иначе говоря, при отсутствии обвинительного приговора, признавшего лицо виновным, например, в краже, можно ли считать полученное в результате ее совершения имущество предметом легализации (отмыывания) такого имущества? Поиск ответа осложнялся отсутствием соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Правда, остроту вопроса в целом смягчало то обстоятельство, что законодатель, дополнив

¹ Конвенция Совета Европы об отмыывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (заключена в г. Варшаве 16 мая 2005 г.) (здесь и далее в статье, если не указано иное, нормативные документы и материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

Согласно этому документу понятие «доход» означает «любую экономическую выгоду, полученную или извлеченную прямо или косвенно в результате совершения преступлений».

² Правда, через несколько лет история эта уже не будет никого удивлять, поскольку процедура, в ней предусмотренная, станет обычной, даже в какой-то мере характерной для современного законодательства, преследующего цель криминализации новых деяний. См. об этом: Кочои С. М. Уголовный кодекс РФ: новый этап поспешных изменений // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 11. С. 96–105.

³ Паспорт проекта федерального закона № 84717-3 «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О противодействии легализации (отмыыванию) доходов, полученных преступным путем”» (внесен Правительством РФ, подписан Президентом РФ).

УК РФ статьей 174.1, к предикатным преступлениям («основным преступлениям»⁴) не стал относить все без исключения преступления, специально оговорив, что к ним не относятся: невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте (ст. 193 УК РФ), уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица (ст. 194), уклонение физического лица от уплаты налога или страхового взноса в государственные внебюджетные фонды (ст. 198) и уклонение от уплаты налогов или страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организации (ст. 199)⁵. В 2010 г. к этим преступлениям добавились неисполнение обязанностей налогового агента (ст. 199.1) и сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов (ст. 199.2). Тогда же в диспозиции анализируемой нормы (ч. 1 ст. 174.1) появилась специальная цель — придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом⁶.

Следует признать, что, несмотря на сомнительную необходимость в целом в дополнении УК РФ статьей 174.1, предусмотренное ею исключение для налоговых преступлений и ссылка на специальную цель, установление которой в деянии лица стало обязательным для его обвинения

в легализации, имели международно-правовую основу. Дело в том, что Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (1990) оговаривает право национального законодателя предусматривать, что деяния, подпадающие под определение «преступления, связанные с отмыванием средств», «не применяются к лицам, совершившим основное преступление» (п. 1 ст. 6). Подобное положение содержат и другие международно-правовые документы о противодействии отмыванию имущества, добытого преступным путем: Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (1999) (ст. 13), Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (2005) (п. 2 ст. 9), Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (2000) (ст. 6) и др.

Однако в 2013 г. произошло поистине революционное изменение редакции ст. 174.1 УК РФ: из нее удалили упоминание о преступлениях, совершение которых до этого на протяжении 12 лет не рассматривалось как основное (предикатное) преступление⁷. Какого-либо обоснования этого изменения Пояснительная записка автора законопроекта — Правительства РФ — не содержала⁸.

Чтобы предупредить и пресечь практику, в которой решили, что теперь будто бы любое

⁴ Согласно международно-правовым документам, понятие «основное преступление» означает «любое преступление, в результате которого были получены доходы, которые могут стать» предметом легализации (отмыкания). См.: Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) ; Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (заключена в г. Страсбурге 8 ноября 1990 г.) (с изм. от 16.05.2005).

⁵ Федеральный закон от 07.08.2001 № 121-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем”».

⁶ Федеральный закон от 07.04.2010 № 60-ФЗ (ред. от 06.12.2011) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁷ Федеральный закон от 28.06.2013 № 134-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28 января 2018 г.).

⁸ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям».

преступление может быть признано предикатным, Пленум Верховного Суда РФ через два года дал разъяснение, раскрывшее основания признания преступления таковым. Согласно данному разъяснению, вывод суда «о преступном характере приобретения имущества, владению, пользованию или распоряжению которым виновный стремится придать правомерный вид, наряду с иными материалами уголовного дела может основываться:

— на обвинительном приговоре по делу о конкретном преступлении, предусмотренном одной из статей Особенной части УК РФ (об основном преступлении);

— постановлении органа предварительного расследования или суда о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) за совершение основного преступления в связи со смертью лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, в связи с недостижением лицом возраста уголовной ответственности, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в случаях, предусмотренных пунктом 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с примирением сторон, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием, а также по основаниям, предусмотренным статьей 25.1 или статьей 28.1 УПК РФ, если материалы уголовного дела содержат доказательства, свидетельствующие о наличии события и состава основного преступления, и органом предварительного расследования или судом дана им соответствующая оценка;

— постановлении органа предварительного расследования о приостановлении дознания или предварительного следствия в связи с неустановлением на момент рассмотрения уголовного дела лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого за основное преступление, если материалы уголовного дела содержат доказательства, свидетельствующие о наличии события и состава такого преступления, и органом предварительного расследования дана им соответствующая оценка»⁹.

В действительности практика применения приведенного разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, как нам представляется, оказалась не просто противоречивой, а прямо противоположной идее, заложенной в нем. Особенно это заметно по делам об уклонении от уплаты налогов. Иллюстрацией сказанного может служить дело Б., материалы которого (обвинительное заключение) стали предметом исследования в рамках подготовки научно-консультационного заключения специалиста, которым выступал автор настоящей статьи.

Б. обвинялась в уклонении от уплаты налогов в особо крупном размере, предусмотренном частью 2 ст. 198 УК РФ. По версии следствия, она, зарегистрированная в качестве индивидуального предпринимателя, в отношении которого применялся специальный режим налогообложения (упрощенная система налогообложения), совершила указанное преступление «в целях так называемого дробления бизнеса и сокрытия части доходов». По ее распоряжению денежные средства перечислялись со счетов одних созданных ею и подконтрольных ей организаций на счета других таких же организаций.

Вменив уклонение от уплаты налогов, следствие на этом не остановилось. Оно усмотрело в распоряжениях Б. о перечислении (переводе) денежных средств (со счетов одних организаций на счета других), уже ставших предметом одного преступления (ст. 198 УК РФ), признаки еще одного преступления — совершения финансовых операций, предусмотренных статьей 174.1 УК РФ.

Очевидно, основанием для такой квалификации послужили разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о том, что «преступления, предусмотренные статьями 174 и 174.1 УК РФ, совершенные путем финансовых операций, следует считать оконченными с момента, когда лицо, действуя с указанной в данных статьях целью, непосредственно использовало преступно полученные денежные средства для расчетов за товары или размена либо *предъявило (пере-*

⁹ П. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем».

дало) банку распоряжение о переводе денежных средств (курсив наш. — С. К.) и т.п.»; цель отмыwania (легализации) может проявляться, в частности, «в совершении финансовых операций или сделок с использованием электронных средств платежа»¹⁰.

Между тем обвинение в легализации (отмывании) вызывает сомнения по следующим основаниям. Во-первых, если денежные средства или иное имущество приобретены в результате преступления, но не были введены в легальный оборот, то говорить о легализации, предусмотренной статьей 174.1 (или ст. 174) УК РФ, нельзя¹¹. В судебной практике можно встретить немало решений, в которых введение имущества «в легальный экономический оборот» прямо называется обязательным признаком состава рассматриваемого преступления¹². Соответственно, если указанные денежные средства или иное имущество не покидают нелегальный оборот, не выводятся из него, то легализации, предусмотренной статьей 174.1, не будет. Показательным можно считать следующее решение, в котором суд пришел к выводу о том, что «не образуют оконченного состава преступлений, предусмотренных статьей 174.1 УК РФ, финансовые операции или иные сделки, результатом которых стало “перемещение” имущества между банковскими счетами, подконтрольными лицу, совершившему предикатное преступление, а равно финансовые операции или иные сделки, направленные на перемещение денежных средств или иного имущества между цепочкой юридических лиц, специально созданных либо используемых для совершения преступлений (курсив наш. — С. К.)»¹³.

В деле Б. следствие признавало, что организации, со счетов которых и на счета которых переводились деньги, специально создавались

или были приисканы обвиняемой для совершения основного преступления (уклонения от уплаты налогов). Данное обстоятельство делало несостоятельным обвинение Б. в легализации (отмывании) денежных средств, приобретенных в результате совершения ею указанного преступления.

Во-вторых, вывод о том, что денежные средства или иное имущество приобретены лицом в результате совершения преступления, как уже было показано, может основываться на обвинительном приговоре по делу о конкретном преступлении, предусмотренном одной из статей Особенной части УК РФ (об основном преступлении), либо постановлении органа предварительного расследования или суда о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), а также постановлении органа предварительного расследования о приостановлении дознания или предварительного следствия по основаниям, предусмотренным УПК РФ (если материалы уголовного дела содержат доказательства, свидетельствующие о наличии события и состава основного преступления, и органом предварительного расследования или судом дана им соответствующая оценка)¹⁴.

Как следовало из текста обвинительного заключения, вышеперечисленные процессуальные решения (суда или органа предварительного расследования) по делу Б. отсутствовали. Однако это не помешало следствию в качестве основания для собственной версии квалификации (по ст. 174.1 УК РФ) просто процитировать вышеприведенное разъяснение постановления Пленума Верховного Суда РФ и ст. 28.1 УПК РФ, категорически заключив следующее: «Таким образом, законодатель однозначно устанавливает факт того, что денежные средства, полученные в результате уклонения от уплаты налогов, то

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32.

¹¹ Даже факт введения в легальный оборот преступно нажитого имущества не всегда свидетельствует о его легализации. См.: п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32.

¹² См., например: апелляционный приговор Верховного Суда РФ от 13.09.2018 по делу № 127-АПУ18-8 ; постановление Президиума Забайкальского краевого суда от 14.06.2018 № 44-у-70/2018 ; постановление Президиума Приморского краевого суда от 28.05.2018 № 44У-114/2018.

¹³ Апелляционное определение Пензенского областного суда от 27.04.2022 по делу № 22-351/2022.

¹⁴ П. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32.

есть совершения преступления, предусмотренного статьей 198 УК РФ, являются денежными средствами, приобретенными преступным путем».

В-третьих, для наличия состава легализации (отмывания) необходимы «не просто финансовые операции и сделки с имуществом, полученным преступным путем, а действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, придание им видимости законности (внесение в уставный капитал организации, на банковский вклад, покупка активов, приносящих доход, покупка и последующая продажа товаров, имущества, выполнение работ, оказание услуг). Именно этим легализация отличается от основного преступления, совершаемого с использованием финансовых институтов, целью которых является конспирация как способ получения доходов»¹⁵. Но из обвинительного заключения нельзя было понять, какие именно гражданские права и обязанности Б. хотела установить, изменить или прекратить.

В-четвертых, факт наличия предикатного преступления обязывает правоприменительные органы четко обозначить границы между ним и действиями, образующими легализацию, предусмотренную указанной статьей. Как обоснованно утверждается в литературе, в предъявленном обвинении «должен быть четко отграничен момент окончания предикатного преступления от последующих действий по перечислению денежных средств, которые входят в объективную сторону состава легализации»¹⁶.

При этом анализ текста обвинительного заключения по делу Б. подтверждал отсутствие такого отграничения составов инкриминируемых ей преступлений. Приведенные следствием в подтверждение собственной версии квалификации обстоятельства (например, связанные с «дроблением» Б. своего бизнеса) неоднократно встречались при описании и других преступлений, в совершении которых она обвинялась. Повторы и дублирования одних и тех обстоятельств не позволяли определять, где заканчиваются признаки одного состава преступления и начинаются признаки другого состава¹⁷.

В-пятых, субъективная сторона инкриминируемого Б. преступления включает вину и специальную цель — придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, совершение финансовых операций (или сделок) «само по себе не может предreshать выводы суда о виновности лица в легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (в результате совершения преступления). В каждом конкретном случае необходимо с учетом всех обстоятельств дела установить, что лицо заведомо совершило финансовую операцию или сделку с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом»¹⁸. Между тем в обвинительном заключении отсутствовали объективные обстоятельства, свидетельствовавшие об

¹⁵ Апелляционный приговор Верховного Суда РФ от 13.09.2018 № 127-АПУ18-8.

¹⁶ Бажутов С. А. Проблемы правоприменения по делам о легализации преступных доходов: анализ судебной практики и вопросы толкования // Законность. 2020. № 12. С. 3–8.

¹⁷ Неудивительно, что деяния Б. следствием квалифицированы были также по ч. 1 ст. 187 УК РФ как «приобретение и хранение в целях использования электронных средств, предназначенных для неправомерного осуществления перевода денежных средств». Однако «создание ряда подконтрольных организаций в целях так называемого дробления бизнеса и уклонения от уплаты налогов» (что, по утверждению следствия, им было установлено) предполагает совершение финансовых операций (осуществление денежных переводов) между указанными организациями с использованием электронных средств платежа. Иначе говоря, то, что, по признанию органа предварительного расследования, представляет собой уклонение от уплаты налогов (ст. 198 УК РФ), не может в то же время признаваться неправомерным использованием (хранением) электронного средства платежа (ст. 187 УК РФ).

¹⁸ П. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32.

осознании Б. своих действий как легализации денежных средств, приобретенных в результате совершения ею преступления. Кроме того, отсутствовали обстоятельства, свидетельствовавшие о ее желании совершить финансовые операции, подпадающие под действие уголовного закона (ст. 174.1 УК РФ). Примечательно, что о волевом элементе вины, о фактических обстоятельствах, подтверждающих его установление, в обвинительном заключении не было сказано ничего¹⁹.

Под целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем (в результате совершения преступления), как обязательном признаке составов преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, Пленум Верховного Суда РФ понимает «сокрытие преступного происхождения, местонахождения, размещения, движения имущества или прав на него». Тем не менее в обвинительном заключении не было названо *ни одно обстоятельство*, которое объективно подтверждало бы наличие данной цели у обвиняемой. Все финансовые операции совершались исключительно с целью распоряжения собственными денежными средствами. Как показывает анализ судебной практики, установление такой цели является основанием для вынесения решения не в пользу стороны обвинения. Так, например, в одном из дел суд, обратив внимание на отсутствие цели придания правомерного вида владению деньгами, полученными в результате совершения преступления, пришел к выводу «о том, что в данном случае в действиях Ц. усматривается

исключительно распоряжение денежными средствами, полученными от деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, а не их легализация»²⁰. В другом деле суд апелляционной инстанции, отменяя приговор в части осуждения по ст. 174.1 УК РФ и прекращая уголовное дело в соответствующей части, указал: «К подобным действиям нельзя отнести осуществляемые осужденными действия по приобретению автомашин на имя М., которыми они пользовались, и приобретение долларов США. Таким образом, проводимые осужденными финансовые операции и сделки были направлены на то, чтобы иметь реальную возможность распорядиться полученными деньгами. Между тем подобные действия также не свидетельствуют о цели отмыwania денежных средств, не имели цели придания правомерности владения деньгами, полученными в результате совершения преступления»²¹.

В уголовно-правовой литературе обращают внимание на то, что «цепь прозрачных банковских операций — перечисление с одного счета виновного на другой его счет с целью, например, обналичивания “грязных” денег и без намерения такого сокрытия — о легализации не свидетельствует»²².

Вышеизложенное в совокупности позволяет утверждать, что объективные и субъективные признаки состава преступления, предусмотренного пунктом «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ, в обвинительном заключении по делу Б. были описаны *неконкретно и неполно*. Неконкретность обвинения, расплывчатое, нечеткое изложение в постановлении его формулировки нарушает право обвиняемого на защиту. Несоблюдение

¹⁹ Один из основных международно-правовых документов в области противодействия легализации имущества — Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (2005 г.) — достаточно точно раскрывает данное положение: только «на основании объективных фактических обстоятельств можно сделать вывод об осведомленности, умысле или мотиве в качестве элементов преступления» (связанного с отмыванием).

²⁰ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18.06.2024 № 77-1143/2024.

²¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 28.09.2018 по делу № 10-13238/2018.

²² Бажутов С. А. Указ. соч. С. 3–8.

данного требования *относится к числу существенных нарушений уголовно-процессуального закона* (см.: кассационное определение Верховного Суда РФ от 25.09.2006 № 14-о06-32, определение Верховного Суда РФ от 31.01.2008 № 5-007-214)²³.

Определенное сходство с приведенным делом имеет дело Ш., которому в 2023 г. было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного пунктом «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ. По мнению следствия, Ш. «совершил финансовые операции в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению похищенными денежными средствами», которые, согласно вступившему в законную силу приговору, «в период с 1 августа 2015 г. по 14 августа 2021 г. похищены и зачислены на подконтрольный ему банковский счет ООО «М-ло»». Затем (в период с 26 августа 2015 г. по 31 декабря 2015 г.) с этого счета деньги перечислялись на карты и счета знакомых и родственников Ш. «на основании договора займа», а также самого Ш.

Как отмечается в судебной практике, «само по себе использование банковских операций по переводу денег с электронных счетов на банковские карты для возможности последующего распоряжения ими по своему усмотрению *не может свидетельствовать о легализации денежных средств* (курсив наш. — С. К.)»²⁴. По одному из дел суд более чем определенно указал следующее: «Изложенные судом действия осужденного свидетельствуют *лишь о распоряжении им деньгами* (курсив наш. — С. К.) в

сумме 6 300 руб., полученными в результате совершенного Г. преступления путем перечисления их... на банковскую карту своей супруги... При таких обстоятельствах с учетом положений ст. 14 УПК РФ судебная коллегия приходит к выводу о том, что состав преступления, предусмотренного статьей 174.1 УК РФ, в установленных судом действиях осужденного Г. отсутствует»²⁵. Иначе говоря, признаки состава преступления в действиях Ш. *отсутствуют*, поскольку финансовые операции им были направлены на то, чтобы иметь реальную возможность распорядиться похищенными денежными средствами»²⁶.

Вывод, сделанный органом предварительного расследования в 2023 г., о том, что в 2015 г. именно те денежные средства, которые были похищены, стали предметом преступления, предусмотренного статьей 174.1 УК РФ, вызывает серьезные сомнения. Деньги, как известно, не обладают индивидуально определенными свойствами. Судебная практика подтверждает, что внесенные на счет денежные средства являются обезличенной денежной суммой, не подлежат раздельному учету в зависимости от источника поступления²⁷. Соответственно, утверждать, что перечисленные на разные счета денежные средства — это именно те, которые были похищены, не представляется возможным ни фактически, ни юридически.

Наконец, не выдерживает критики квалификация одних и тех же действий как хищения имущества (мошенничество) и его легализации. По одному из таких дел суд указал следующее: «...Судом установлено, что действия по перечис-

²³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1–32.1 : постатейный научно-практический комментарий / Е. К. Антонович, Е. А. Артамонова, Д. П. Великий [и др.] ; отв. ред. Л. А. Воскобитова. М. : Редакция «Российской газеты», 2015.

²⁴ Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 01.12.2021 по делу № 22-1902/2021.

²⁵ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29.09.2020 № 77-1677/2020.

²⁶ См. об этом: кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 27.09.2022 № 77-2698/2022.

²⁷ Путеводитель по судебной практике. Банковский счет // СПС «КонсультантПлюс» ; Подборка судебных решений за 2013 г. : статья 845 «Договор банковского счета» ГК РФ // СПС «КонсультантПлюс» ; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28.05.2015 № Ф07-141/2014 по делу № А21-6962/2014. См. также: *Зинченко П. И.* Защита прав владельцев банковских счетов в рамках уголовного судопроизводства: отдельные вопросы теории и практики // Банковское право. 2019. № 6. С. 23–28.

лению бюджетных денежных средств на счета фирм и физических лиц совершены с целью хищения денежных средств. То есть указанные действия являются частью объективной стороны совершаемого мошенничества и состава преступления, предусмотренного подпунктами “а”, “б” ч. 4 ст. 174.1 УК РФ, не образуют»²⁸. Иначе говоря, деяния, образующие объективную сторону хищения чужого имущества, не могут в то же время образовать объективную сторону легализации (отмывания) этого имущества.

Однако, вопреки приведенным нормам закона и решениям вышестоящих судов, в конце 2024 г. районный суд полностью согласился со стороной обвинения и осудил Ш. за легализацию имущества, которая, следует отметить, была совершена в то же время, что и мошенничество, но оставалась «незамеченной» на протяжении девяти лет. По удивительному стечению обстоятельств Ш. осудили за легализацию тогда, когда уже истек срок лишения свободы, назначенного ему за мошенничество.

Заключение

Таким образом, новая редакция ч. 1 ст. 174.1 УК РФ не просто расширила сферу действия этой статьи²⁹. Она, с нашей точки зрения, превратилась в своеобразную «дубину» в руках обвине-

ния (следствия и прокуратуры), а также солидарных с ним судов, получивших возможность одно и то же деяние, образующее объективную сторону предикатного преступления (уклонение от уплаты налогов, мошенничества), вопреки требованиям ч. 2 ст. 6 УК РФ, вменять два (как в деле Ш.), а то и три (как в деле Б.) раза.

Несмотря на отдельные решения судов, которые отменяют незаконные приговоры нижестоящих судов и тем самым умеряют аппетиты органов предварительного расследования, иницирующих спорное, возможно даже избирательное, уголовное преследование за легализацию (отмывание) имущества³⁰, представляется, что необходимость ст. 174.1 в УК РФ находится под большим вопросом. Норма, в ней содержащаяся, в отличие от нормы в ст. 174 УК РФ, не имеет какого-либо криминологического обоснования³¹. Неясны цели ее введения, как и цели исключения из нее преступлений, признание которых в качестве предикатных теперь презюмируется. Как итог, статья 174.1 УК РФ стала источником спорных, нередко противоречащих закону и правовой позиции Верховного Суда РФ процессуальных решений следственных органов и прокуратуры, а также приговоров судов. Изложенное позволяет внести предложение о необходимости признания указанной статьи УК РФ утратившей силу. Такое решение, полагаем, способно реально обеспечить принцип спра-

²⁸ Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 22.06.2020 № 77-456/2020.

²⁹ В частности, из опубликованной Судебным департаментом при Верховном Суде РФ статистики за 2023 г. следует, что осужденных по ст. 174.1 УК РФ (23 чел.) многократно больше, чем осужденных по ст. 174 УК РФ (2 чел.), причем больше половины из них (13 из 23) осуждено к реальному лишению свободы (см.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 г. // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8823> (дата обращения: 12.03.2025)). Отметим, что в целом такое же соотношение (в пользу ст. 174.1 УК РФ) показывает судебная статистика за предыдущие годы.

³⁰ Косвенным подтверждением данного положения может быть статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ, согласно которой в 2023 г. за уклонение от уплаты налогов (ст. 198–199.2 УК РФ) осуждено 344 человека, тогда как по ст. 174.1 УК РФ, как уже было показано, — 23 человека.

³¹ В литературе ранее высказывались предложения «рассмотреть возможность возвращения к первоначальной редакции состава легализации в рамках ст. 174 УК РФ» (Жадяева М. А., Янина И. Ю. Современное состояние состава легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем // Российский следователь. 2022. № 7. С. 35–38). См. также: Разиньков Д. В. Некоторые проблемные вопросы регламентации ответственности за легализацию денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем // Modern Science. 2021. № 2-1. С. 182–186.

ведливости, исключаящий практику уголовного преследования лиц, виновных в корыстных или имущественных преступлениях, также по ст. 174.1 УК РФ³². Альтернативой такому решению, на наш взгляд, может стать восстановление ее редакции, действовавшей до 2013 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бажутов С. А. Проблемы правоприменения по делам о легализации преступных доходов: анализ судебной практики и вопросы толкования // Законность. — 2020. — № 12. — С. 3–8.
2. Жадяева М. А., Янина И. Ю. Современное состояние состава легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем // Российский следователь. — 2022. — № 7. — С. 35–38.
3. Зинченко П. И. Защита прав владельцев банковских счетов в рамках уголовного судопроизводства: отдельные вопросы теории и практики // Банковское право. — 2019. — № 6. — С. 23–28.
4. Кочои С. М. Уголовный кодекс РФ: новый этап поспешных изменений // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 11. — С. 96–105.
5. Разиньков Д. В. Некоторые проблемные вопросы регламентации ответственности за легализацию денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем // Modern Science. — 2021. — № 2-1. — С. 182–186.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1–32.1 : постатейный научно-практический комментарий / Е. К. Антонович, Е. А. Артамонова, Д. П. Великий [и др.] ; отв. ред. Л. А. Воскобитова. — М. : Редакция «Российской газеты», 2015. — 912 с.
7. Хомич О. В. Легализация (отмывание) преступных доходов: уголовно-правовое и сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — 24 с.

Материал поступил в редакцию 13 марта 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bazhutov S. A. Problemy pravoprimereneniya po delam o legalizatsii prestupnykh dokhodov: analiz sudebnoy praktiki i voprosy tolkovaniya // Zakonnost. — 2020. — № 12. — S. 3–8.
2. Zhadyaeva M. A., Yanina I. Yu. Sovremennoe sostoyanie sostava legalizatsii (otmyvaniya) denezhnykh sredstv, poluchennykh prestupnym putem // Rossiyskiy sledovatel. — 2022. — № 7. — S. 35–38.
3. Zinchenko P. I. Zashchita prav vladeltsev bankovskikh schetov v ramkakh ugovnogo sudoproizvodstva: otdelnye voprosy teorii i praktiki // Bankovskoe pravo. — 2019. — № 6. — S. 23–28.
4. Kochoi S. M. Ugolovnyy kodeks RF: novyy etap pospeshnykh izmeneniy // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2024. — T. 19. — № 11. — S. 96–105.
5. Razinkov D. V. Nekotorye problemnye voprosy reglamentatsii otvetstvennosti za legalizatsiyu denezhnykh sredstv ili inogo imushchestva, poluchennykh prestupnym putem // Modern Science. — 2021. — № 2-1. — S. 182–186.
6. Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Glavy 1–32.1: postateynny nauchno-prakticheskiy kommentariy / E. K. Antonovich, E. A. Artamonova, D. P. Velikiy [i dr.]; отв. ред. Л. А. Voskobitova. — М.: Redaktsiya «Rossiyskoy gazety», 2015. — 912 s.
7. Khomich O. V. Legalizatsiya (otmyvanie) prestupnykh dokhodov: ugovno-pravovoe i sravnitelno-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — М., 2019. — 24 s.

³² По справедливому замечанию О. В. Хомича, «легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления, является продолжением преступного умысла, связанного с совершением предикатного преступления». «Как следствие, — продолжает он, — привлечением к ответственности лица за данное преступление нарушается принцип non bis in idem». См.: Хомич О. В. Легализация (отмывание) преступных доходов: уголовно-правовое и сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 12.